

УДК 342.36
DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-263-272

Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд

Пенской А.В.

Адвокатская палата Белгородской области,
Россия, 308001, г. Белгород, ул. Нагорная, д. 2
penskoy_a@bsu.edu.ru

Аннотация. «Долгий XVI век», обычно отождествляемый с временным промежутком между серединой XV и серединой XVII столетий, традиционно принято считать временем формирования так называемых централизованных государств. Эти политические образования понимаются как некое качественно новое явление в истории государства и права по сравнению с их средневековыми предшественниками, и это новое качество заключается в централизации политической власти, создании единого правового поля и монополизации насилия в руках верховной власти, воплощенной в образе монарха. Однако сегодня этот образ сильного государства подвергается пересмотру и корректировке. Автор обращает внимание на современные тенденции рассмотрения политических и юридических процессов в раннее Новое время. При этом автор указывает на противоречивость процессов формирования и развития политических и правовых структур и институтов в рассматриваемое время, которые строились на взаимодействии и противостоянии бинарных категорий – централизация/децентрализация, закон/обычай и т. п. Эта противоречивость связана была, по мнению автора, с институциональной слабостью раннемодерных государств. Ограниченность административного ресурса, которым обладала власть, и необходимость в силу этого учитывать мнение общества обусловили главную характеристику развития политических образований и структуру Раннего Нового времени – эволюционность.

Ключевые слова: XVI век, эпоха Средневековья, раннее Новое время, государство, централизованное государство, управление государством, верховная власть, право, традиция, реформы

Для цитирования: Пенской А.В. 2024. Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право.* 49(2): 263–272. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-263-272

Problems of the Formation of Early Modern States (Mid-XV – Mid-XVII Centuries): Modern View

Alexander V. Penskoj

The Law Chamber of the Belgorod region,
2 Nagornaya St, Belgorod 308001, Russian Federation

Abstract. The “long 16th century”, usually identified with the time interval between the mid-15th and mid-17th centuries, is traditionally considered to be the time of formation of the so-called “centralized states”. These political formations are understood as a qualitatively new phenomenon in the history of state and law compared to their medieval predecessors, and this new quality lies in the centralization of political power, the creation of a single legal field and the monopolization of violence in the hands of the

supreme power, embodied in the image of the monarch. However, today this image of a strong state is being revised and adjusted. The author draws attention to modern trends in the consideration of political and legal processes in the Early Modern period. At the same time, the author points out the contradictory nature of the processes of formation and development of political and legal structures and institutions in the time under review, which were built on the interaction and opposition of binary categories – centralization/decentralization, law/custom, etc. This inconsistency was associated, according to the author, with the institutional weakness of early modern states. The limited administrative resource that power possessed and the need, therefore, to take into account the opinion of society determined the main characteristic of the development of political entities and the structure of the Early Modern period – evolution.

Keywords: XVI century, Middle Ages, early Modern times, state, centralized state, government, supreme power, law, tradition, reforms

For citation: Penskoj A.V. 2024. Problems of the Formation of Early Modern States (Mid-XV – Mid-XVII Centuries): Modern View. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 263–272 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-263-272

Введение

Период с середины XV до середины XVII века французский историк Ф. Бродель назвал «долгим XVI веком» [Braudel, 1974, p. 893–895], и в такой характеристике этого периода есть определенный смысл не только в рамках выдвинутой им концепции времени «большой длительности» (*la longue durée*), касающейся в первую очередь устойчивых структур и длительных процессов общественного (в широком смысле) развития, превышающих время жизни одного человека или целого поколения. Ключевыми в такой трактовке времени «большой длительности» выступают именно понятия «длительные» и «устойчивые», которые вполне применимы, на наш взгляд, не только к сугубо историческим или социальным явлениям и процессам, но и к тем, которые могут быть отнесены к истории государства и права.

Необходимое пояснение к этому тезису. «Долгий XVI век» – это время, которое можно смело назвать переходным периодом от Средневековья к Новому времени. Собственно говоря, в эти два столетия закладываются основы современного общества, государства и отчасти коллективного сознания – наметился, если исходить из концепции Т. Парсонса, путь к модерну как выходу из традиционного общества. Причины этого перехода, несомненно, носят сложный, многоуровневый характер, но, на наш взгляд, далеко не последнюю роль в том сыграл ряд процессов, которые обозначились во 2-й пол. XV в. и получили развитие в XVI – 1-й пол. XVII в. Британский историк Р. Маккенни отнюдь не случайно назвал XVI век эпохой экспансии и конфликта, охвативших практически все сферы жизни и деятельности и государства, и общества позднего Средневековья и раннего Нового времени [MacKenney, 2002]. Этот виток экспансии стал продолжением предыдущего, который пришелся на Высокое Средневековье [Bartlett, 1993], но был прерван тотальным кризисом, в котором оказалось средневековое общество в середине XIV века. Однако к середине следующего столетия средневековый социум постепенно вышел из вызванной кризисом депрессии и начал расширяться, причем с началом XVI столетия это расширение приобретает необратимый и более радикальный, чем прежде, характер.

Первичная основа у обоих витков европейской экспансии была, на первый взгляд, одинаковой. Как отмечал отечественный исследователь С.Д. Домников, в архаичных аграрных традиционалистских социумах «Первой волны» (согласно предложенной американским социологом Э. Тоффлером классификации обществ) «князь – собиратель земель, расширение территории – это функция власти в аграрных обществах». При этом, продолжал он свою мысль, «колониционная природа земледельческой цивилизации порождает и колониционный характер внешней политики аграрного

государства. Власть – от земли; чем больше земли, тем больше власти и силы» [Домников, 2002, с. 380-381]. Добавим от себя к этой характеристике, что добиться прироста прибавочного продукта в условиях, когда имеющая ярко выраженный аграрный характер экономика этих сообществ основана на примитивных технологиях и ментально отнюдь не настроена на расширенное производство, можно лишь за счет активной колониционной политики, направленной как вовнутрь («взлет на холмы»), так и вовне (завоевание и присоединение новых территорий по соседству или за морями).

Однако при всем базовом сходстве первого и второго витков европейской экспансии между ними было и серьезнейшее отличие. В «долгий XVI век» запускается процесс смыкания двух средневековых экономических контуров, средиземноморского и балтийского, с одновременным смещением центра финансовой и экономической активности с юга на северо-запад Европы. «Традиционная история подчиняется той же хронологии, что и история глобальная, двинувшаяся от внутреннего моря к богатым планктоном холодным морям севера, тогда как малый ледниковый период стал теснить Европу холодным фронтом полярных морей», – писал французский историк П. Шоню, и, подытоживая свои наблюдения, добавлял к этому: «Классическая Европа – это еще и холодная Европа, под суровым оком грозного бога пуритан и сокровенного бога янсенистов. Европы, покинувшая Средиземноморье» [Шоню, 2005, с. 21].

Таким образом, в рассматриваемый период формируется новая «мир-экономика», которую американский социолог И. Валлерстайн характеризовал как «конструкцию, основанную на соединении двух ранее отдельных систем: христианского Средиземноморья с центром в городах северной Италии и фламандско-ганзейской торговой сети на севере и северо-западе Европы», к которой примыкали на правах сырьевых придатков «с одной стороны, земли к востоку от Эльбы, Польша и некоторые другие территории Восточной Европы, а с другой стороны – острова Атлантики и определенные части Нового Света» [Валлерстайн, 2015, с. 79].

Раннеמודерные государства как «composite states»

Столь масштабная глубинная трансформация первоосновы существования европейского мира не могла не повлечь за собой и серьезных перемен во всех основных сферах жизни и деятельности европейских государств и обществ. Экспансионистская политика раннеמודерных европейских монархов, как отмечал П. Шоню, неизбежно вела к появлению любопытного политико-правового феномена, характерного именно для раннего Нового времени – «великих **лоскутных** (выделено нами. – *Авт.*) империй» [Шоню, 2005, с. 21].

Мы не случайно выделили именно этот эпитет, который использовал исследователь для характеристики территориальных политических образований раннеמודерной Европы. Британский историк Дж. Эллиотт, развивая выдвинутую его коллегой Х. Кенигсбергером концепцию, согласно которой государства раннего Нового времени представляли собой «составные» (composite) государства [Koenigsberger, 1978], подчеркивал, что политики того времени являлись ничем иным, как конгломератом множества более мелких политических единиц, всеми силами отстаивавших свою «старину» [Elliot, 1992, p. 53].

Формирование таких «составных» государств проходило, как указывал Дж. Эллиотт, двумя основными путями. Первый – т. н. аксессуарный (accessory) союз, который являлся результатом «великих потрясений», тех же завоеваний, которые позволяли верховной власти по праву меча наводить на занятой территории свой новый порядок [Elliot, 1992, p. 53]. Однако такой путь был чреват уже в очень близкой перспективе серьезными проблемами. Еще Н. Макиавелли отмечал, что необходимость поддерживать постоянный оккупационный режим неизбежно вела к тому, что расходы на поддержание постоянного

военного присутствия на занятых территориях очень быстро съедали все доходы от подобных приобретений [Макиавелли, 1982]. Не в последнюю очередь по этой причине большее распространение получил другой путь, который Дж. Эллиотт именовал союзом *aequae principaliter* [Elliot, 1992, p. 53].

Такой путь политической интеграции предполагал, что присоединенная территория, если и не рассматривалась как автономное образование, то, во всяком случае, сохраняла немалую часть своих прежних прав и привилегий. Понятно, что в чистом виде эти модели встречались редко, а чаще всего использовались комбинации из того и другого – ярким примером тому может служить присоединение Иваном III Новгорода. Разгромив новгородцев в скоротечной военной кампании, московский великий князь, тем не менее, не стал полностью перекраивать новгородский порядок и вводить московские установления, сохранив за новгородским «политическим народом» ряд его прежних прав и привилегий, в т. ч. (что примечательно!) суд «по старине», «как в земле суд стоит» [Московский летописный свод конца XV века, 2004].

Подобная уступчивость выглядит парадоксально и как будто противоречит главной тенденции государственного строительства в эту эпоху. Ведь именно к этому времени устоявшаяся историко-правовая традиция относит формирование т. н. централизованных государств. Характеризуя его, отечественный историк К.В. Базилевич отмечал, что «основными признаками централизованного государства являются центральные органы управления, распространяющие свое действие на всю территорию страны; развитие общего законодательства, которое поглощает или отменяет местные законы; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частных иммунитетных прав, единая организация военных сил, непосредственно подчиненных верховной власти». При этом историк подчеркивал, что такое государство по сравнению со средневековыми политиями представляло собой новый тип политической организации общества [Базилевич, 1949, с. 71].

Сомневаться в том, что «централизованные» государства раннего Нового времени отличались от своих предшественников в лучшую сторону, конечно же, не стоит. Но в то же время стоит ли при этом делать столь радикальные выводы, подобно К.В. Базилевичу? Действительно ли государства раннего Нового времени являлись неким новым типом государственности? Исследования последних десятилетий показывают, что скорее нет, чем да, и что между идеалом и реальностью был серьезный разрыв.

Касаясь этого вопроса, американский историк Н.Ш. Коллманн в одном из своих последних исследований отмечала, что «примерно с 1970-х годов историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю)», но под иным, чем прежде, углом зрения. По словам историка, главный упор был сделан на анализ стратегий управления, централизации и формирования суверенитета [Kollmann, 2012, p. 1]. Собственно говоря, можно сказать, что историков и юристов теперь интересовали не только и даже не столько форма, сколько содержание, не политические декларации от имени монарха или его представителей, но административная, бюрократическая, правовая повседневность и особенности реального функционирования государственной машины во всех ее проявлениях

Предпринятые в этом направлении изыскания позволили поставить вопрос о пересмотре устоявшихся ранее представлений о том, чем на самом деле являлись пресловутые «централизованные» государства раннего Нового времени. И едва ли не самый главный вывод, который можно сделать по результатам этих исследований, отмечала Н. Коллманн, заключался в следующем – не стоит преувеличивать силу раннемодерных государств, их действенность и эффективность [Kollmann, 2012, p. 2].

«Мускулатура власти»: особенности взаимодействия власти и общества в раннее Новое время

В этой связи стоит вспомнить любопытное наблюдение, сделанное отечественным исследователем К.В. Петровым. Касаясь особенностей функционирования политического

организма Русского государства раннего Нового времени, он отмечал присущий многим исследованиям по русской истории того времени презентизм в оценках возможностей государства навязывать свою волю обществу. «Любое современное государство во много раз более "деспотично", поскольку, помимо прочего, обладает большим количеством средств способов и методов воздействия на общество» [Петров, 2008, с. 375].

Инструментарий, посредством которого власть оказывает давление на общество, тот самый набор способов и методов воздействия, британский историк Дж. Брюэр предложил именовать «жилами власти», *sinews of power* [Brewer, 1989] (на наш взгляд, лучше сущность этого явления характеризуют словосочетания «мускулатура власти» или «инфраструктура власти»). Характеризуя сущность и структуру этого набора, Н. Коллманн писала, что его составляли, во-первых, «новые налоги и бюрократические институты, учреждаемые для территориального управления, сбора податей и мобилизации людских и материальных ресурсов». Во-вторых, продолжала она, «жила власти» включали в себя также новые кодификации законов и новые централизованные судебные системы, особенно органы, предназначенные для борьбы с уголовными преступлениями (что было связано с господствовавшими в тогдашнем обществе воззрениями на главные функции верховной власти – от нее ожидали в первую очередь охраны и поддержания внешнего и внутреннего мира в государстве). И в-третьих, «жила власти» несли в себе и отчетливую идеологическую составляющую, призванную придать власти легитимность и консолидировать общество вокруг государства и церкви как основы официальной идеологии. Эта идеологическая составляющая находила свое отражение в политике так называемой конфессионализации – активно поддерживаемой и проводимой властью системе мер по унификации, рационализации и стандартизации вероучения и дисциплинирования подданных посредством их индоктринации в нужном для власти и официальной церкви направлении [Kollmann, 2012].

Однако сам по себе процесс наращивания «мускулатуры власти», в особенности в административной и правовой сферах, накопления и осмысления необходимого опыта и выработки соответствующей новой культуры, политической, административной, правовой – процесс долговременный, трудоемкий и требовавший немалых расходов ресурсов как материальных и финансовых, так и людских и интеллектуальных. В результате складывалась, как отмечал отечественный исследователь К.В. Петров, в известной степени парадоксальная ситуация – власть конкретного монарха могла быть сильной, но в пределах узкого, «внутреннего», круга. За пределами же двора государство как система, как институт оставалось относительно слабым и не способным влиять на «землю» таким образом, чтобы добиваться своих целей вне зависимости от того, насколько они, эти цели, соответствовали интересам этой «земли» [Петров, 2008, с. 376]. Поэтому, продолжал он, «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической обстановки: была фактическая возможность – было принуждение. Не было возможности – отношения строились на другой основе» [Петров, 2008, с. 275].

Это наблюдение в полной мере можно отнести не только к Русскому государству того времени, но и к его современникам. Институциональная слабость государства, на которую указывал К.В. Петров, – отличительная черта государств раннего Нового времени. Между тем проблемы, которые необходимо было решать раннемоде́рным государствам, по сравнению с эпохой Средневековья выросли и количественно, и качественно – уже хотя бы по той простой причине, что внешняя экспансия (и противостояние ей) в условиях наступившей «пороховой революции» обходилась теперь монархам Европы не в пример дороже и требовала серьезных организационных усилий и затрат, с которыми их предшественники эпохи Средневековья не сталкивались. И решать эти проблемы нужно было здесь и сейчас, не дожидаясь, пока будет создана

необходимая административная, фискальная, юридическая и идеологическая «инфраструктура», – точнее, эти процессы шли параллельно, взаимно «подстегивая» и обуславливая друг друга. Однако территориальные приращения не только давали в распоряжение верховной власти новые ресурсы и возможности. Они создавали и новые проблемы – в первую очередь с интеграцией новых территорий в «тело» государства. Не располагая необходимым административным ресурсом и должным авторитетом и влиянием (степень которых уменьшалась пропорционально удалению от центра власти), европейские монархи раннего Нового времени были вынуждены искать обходные и паллиативные пути решения этой проблемы.

В этом на помощь верховной власти пришла традиция. Уважение к традиции, стремление сохранить «старину» в ее неизменном виде было свойством, присущим средневековому и раннеמודерному обществам имманентно. Связано это было с тем, что они в равной степени относились к социумам, которые американский культуролог Э. Тоффлер называл «обществами Первой волны» [Тоффлер, 2004, с. 38], т. е. аграрными, с присущими такого рода сообществам патриархальностью, господством авторитета, традиционализмом, консервативностью, настороженным отношением ко всякого рода новшествам, в особенности к тем, что могут привести к радикальным переменам в привычном жизненном укладе. Нет, конечно, нельзя сказать, что эти социальные организмы застыли и остановились в своем развитии. Эти «холодные» (по предложенной французским антропологом и социологом К. Леви-Строссом классификации) социумы, конечно же, менялись со временем. Однако они, продолжал дальше исследователь, «желают его [неизбежный процесс изменений внутренних и внешних] игнорировать и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития (выделено нами. – *Авт.*)...» [Леви Стросс, 2008, с. 438-439].

Однако это стремление сохранить и использовать (в своих целях) традицию было в равной степени свойственно как власти, так и обществу. Власть была производным от общества, а ее представители – его частью, воспитываясь и социализируясь в соответствующей культурной и идеологической атмосфере, впитывая уважение к «старине», что называется, с молоком матери. И если король или император не может вести войну и внешнюю политику на свои средства, он должен, по устоявшейся с давних пор традиции, прибегнуть к помощи своих вассалов и подданных, долг которых оказать необходимую помощь людьми, деньгами и советом своему сюзеру и господину. Таким образом, речь шла о том, чтобы задействовать сформировавшиеся в эпоху Средневековья принципы функционирования политической системы, в основе которых лежало, по наблюдению отечественного историка А.Г. Глебова, «соучастие магнатов, богатых и влиятельных людей в управлении государством и отдельных его областей, консенсус, коллективное согласие элитарных групп сообществ различного уровня и масштабов, коллективного принуждение и коллективное действие этих сообществ (выделено нами. – *Авт.*)...» [Глебов, 2008, с. 15]. Естественно, что в таком случае, как отмечал британский историк Дж. Эллиотт, эти провинциальные элиты сохраняли в своих руках «**существенные рычаги воздействия, которые можно было использовать, с одной стороны, для оказания давления на корону, а с другой – для расширения своего социального и экономического господства над собственными сообществами** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Elliot, 1992, p. 56].

Такая двойственность только усиливала позиции провинциальных элит в их взаимодействии с верховной властью и вынуждало последнюю внимательно прислушиваться к тому, что говорят ее представители, и учитывать ее мнение при принятии важных политических и иных решений. Таким образом, верховная власть в раннеמודерных государствах успешно функционировала настолько, насколько ей удавалось найти общий язык с местными элитами, и в основе отношений между ней и «землей» лежало не столько насилие, сколько переговоры [Brewer, Hellmuth, 1999, p. 12].

Основанная на принципе соучастия и переговоров политика управления неизбежно вела к тому, что, как отмечала американский историк К. Барки, раннемодерные монархи, «не имея абсолютной монополии на власть над подвластными территориями», вынуждены были «делить контроль с различными посредническими организациями и местными элитами, религиозными и провинциальными властными группами и многочисленными другими привилегированными организациями» [Barkey, 2008, p. 10]. Соучастие местных элит в управлении государством неизбежно вело к тому, что характерная для Средневековья ситуация с делегированием властных полномочий на места и, соответственно, «фрагментацией» суверенитета (Ч. Тилли [Tilly, 1990, p. 21]) продолжала оставаться актуальной на протяжении практически всего Раннего Нового времени. Отнюдь не случайно в современной историко-правовой литературе для характеристики таких государств с фрагментированным суверенитетом нередко используется термин «координирующее государство» (*co-ordinating state* или *koordinierende Staat*). Верховная власть в таких государствах «проводила направленные на централизацию, в целом прогрессивные административные, военные и прочие реформы, в то же время согласуя свою политику с обществом, представленным в первую очередь политической элитой страны» [Гусарова, 2013, с. 44].

Необходимость согласовывать свои действия с мнением местных элит, корпораций и иных групп влияния в условиях отсутствия необходимого административного ресурса придавали политике верховной власти в вопросах, связанных с наращиванием административно-бюрократической, фискальной, правовой, идеологической и иной «мускулатуры», характерную окраску. Осторожность, постепенность и эволюционность – вот ее главные принципы. Однако могло ли быть иначе в условиях, когда легитимность власти и, следовательно, успешность ее деятельности по созданию пресловутого «централизованного государства» и его институтов зависела от того, насколько местные элиты и стоящие за ними местные же сообщества готовы признавать власть и повиноваться ей.

Эта лояльность со стороны общества и его элит по отношению к верховной власти определялась тем, насколько, как подметила Н. Коллман, «государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, блюсти традицию и обеспечивать безопасность» [Kollmann, 2012, p. 416]. Резкие телодвижения со стороны верховной власти, попытки с ее стороны покуситься в той или иной мере на старину, на традицию, были ей противопоказаны. Отказывая такой власти в легитимности, общество ставило под вопрос само ее существование. Примеры Бориса Годунова и его семейства, Лжедмитрия I, Карла I Стюарта и Людовика XVI более чем красноречиво демонстрировали, во что может вылиться попытка нарушить хрупкий баланс и равновесие между претензиями верховной власти на монополию на насилие и право распоряжаться административными, финансовыми, людскими и материальными ресурсами по своему усмотрению с одной стороны и, с другой стороны, желанием общества сохранить свои традиционные вольности и свободы, – в особенности если это касалось судебной и фискальной сфер.

Заклучение

Итак, переход от Средневековья к Новому времени, от традиционного общества и связанных с ним государственных институтов к модерному был далеко не простым и однозначным – не таким прямолинейным, каким он представлялся ранее. Н. Коллманн указывала, что раннемодерные государства, черпая силу в подручном материале социальных и политических взаимодействий, превращались в современные благодаря органичному сочетанию таких свойств, которые в социальной теории рассматриваются обычно как противостоящие категории: централизация/децентрализация, персонализм/публичность, власть закона / власть обычая [Kollmann, 2012, p. 3], и с такой

характеристикой особенностей процесса формирования пресловутых «централизованных» (которые на самом деле были далеки от приписываемой централизации) государств невозможно не согласиться. Причудливое сочетание традиции и новаций, смесь старины и новаций, искусно маскировавшихся под «реновацию» старины, наложенные на местную специфику, характер которой определялся конкретно-историческими условиями возникновения и развития государственности в данном регионе, порождали порой весьма необычные формы политического и социального устройства. Однако для всех них будут присущи некоторые базовые черты, главной из которых были, с одной стороны, «лоскутность» политического, административного, правового и иного устройства этих раннемодерных государств, а с другой – эволюционность процесса их внутреннего переустройства в сторону большей централизованности и усиления верховной власти, прежде всего за счет наращивания и совершенствования «жил власти». Впрочем эта эволюционность отнюдь не была препятствием для «великих потрясений», прокатившихся волной по всей Евразии во 2-й пол. «долгого XVI в.» и серьезно изменивших (или заложивших основы для будущих серьезных перемен) во внутреннем устройстве раннемодерных государств и обществ. Эти перемены ускорили процессы централизации власти и переход от «лоскутных империй» «долгого XVI века» к более современным формам государственности – например, к т. н. военно-фискальным государствам.

Список литературы

- Базилевич К.В. 1949. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. *Вопросы истории*, 11: 65-90.
- Валлерстайн И. 2015. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 552 с.
- Глебов А.Г. 2008. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе. В кн.: *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М., Наука: 11-19.
- Гусарова Т.П. 2013. Трудности диалога: центральная власть и сословия на венгерских государственных собраниях в эпоху турецких войн в XVI–XVII веках. *Средние века*, 74(102): 30-65.
- Домников С.Д. 2002. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., Алетея, 672 с.
- Леви Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: *Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль*. М., Академический проект: 143-501.
- Макиавелли Н. 1982. Государь. В кн.: *Избранные сочинения*. М., Художественная литература: 301-378.
- Московский летописный свод конца XV века 2004. В кн.: *Полное собрание русских летописей*. Т. XXV. М., Языки славянской культуры, 488 с.
- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») В кн.: *Очерки феодальной России*. Вып. 12. М.-СПб., Альянс-Архео: 365-382.
- Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М., АСТ, 781 с.
- Шоню П. 2005. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, У-Фактория, 608 с.
- Barkey K. 2008. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press. 342 p.
- Bartlett R. 1993. *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. London: Penguin Books Ltd., 432 p.
- Braudel F. 1974. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. II. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press: 1-22.

- Elliot J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*, 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48-71.
- Koenigsberger H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society*, 5(2): 191-217.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- MacKenney R. 2002. *Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict*. London, Palgrave Macmillane, 425 p.
- Tilly Ch. 1990. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Oxford, Basil Blackwell, XI. 269 p.

References

- Bazilevich K.V. 1949. Opyt periodizacii istorii SSSR feodal'nogo perioda [Experience of periodization of the history of the USSR during the feudal period]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 11: 65-90.
- Vallerstajn I. 2015. *Mir-sistema Moderna. Vol. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyajstvo i istoki evropejskogo mira-e'konomiki v XVI veke [World-system of Modernity. T. I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the 16th century]*. M., Publ. Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 552 p.
- Glebov A.G. 2008. O nekotoryx osobennostyax rannesrednevekovoj gosudarstvennosti v Zapadnoj Evrope [On some features of early medieval statehood in Western Europe]. In: *Vlast', obshhestvo, individ v srednevekovoj Evrope [Power, society, individual in medieval Europe]*. M., Publ. Nauka: 11-19.
- Gusarova T.P. 2013. Trudnosti dialoga: central'naya vlast' i sosloviya na vengerskix gosudarstvennyx sobraniyax v e'poxu tureczkix vojn v XVI – XVII vekax [Difficulties of dialogue: central power and estates in Hungarian state assemblies during the era of the Turkish wars in the 16th–17th centuries]. *Srednie veka*, 74(102): 30-65.
- Domnikov S.D. 2002. Mat' zemlya i Czar'-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshhestvo [Mother Earth and the Tsar City. Russia as a traditional society]. M., Publ. Aleteja, 672 p.
- Levi Stross K. 2008. Nepriruchennaya my'sl' [La Pensée sauvage]. In: *Totemizism segodnya. Nepriruchennaya my'sl' [Le Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]*. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143-501.
- Makiavelli N. 1982. Gosudar' [Prince]. In: *Izbranny'e sochineniya [Selected Works]*. M., Publ. Xudozhestvennaya literatura: 301-378.
- Moskovskij letopisnyj svod koncza XV veka [Moscow chronicle code of the end of the 15th century]. 2004. In: *Polnoe sobranie russkix letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. XXV. M., Publ. Yazyki slavyanskoj kul'tury, 488 p.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom po-nimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny XVI v.») [Did the Code of Law of 1497 have the meaning of law in its modern understanding? (Regarding the article by S.N. Kisterev “The Grand Duke’s Code of Law of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century.”)]. In: *Ocherki feodal'noj Rossii [Essays on feudal Russia]*. M.-SPb., Publ. Al'yans-Arxeo: 365-382.
- Toffler E. 2004. *Tret'ya volna [The Third Wave]*. M., Publ. AST, 781 p.
- Shonyu P. 2005. *Civilizaciya klassicheskoj Evropy [The civilization of classical Europe]*. Ekaterinburg, Publ. U-Faktoriya, 608 p.
- Barkey K. 2008. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press. 342 p.
- Bartlett R. 1993. *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. London: Penguin Books Ltd., 432 p.
- Braudel F. 1974. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. II*. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press: 1-22.

- Elliot J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*, 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48-71.
- Koenigsberger H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society*, 5(2): 191-217.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- MacKenney R. 2002. *Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict*. London, Palgrave Macmillane, 425 p.
- Tilly Ch. 1990. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Oxford, Basil Blackwell, XI. 269 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.12.2023
Поступила после рецензирования 01.02.2024
Принята к публикации 15.02.2024

Received December 14, 2023
Revised February 2, 2024
Accepted February 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Александр Витальевич, адвокат,
Адвокатская палата Белгородской области,
г. Белгород, Россия.
 [ORCID: 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Penskoj, lawyer, Bar Chamber of
the Belgorod Region, Belgorod, Russia.
 [ORCID: 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)